

КУРТИЗАНКИ ЭПОХИ ТАН В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ: МЕЖДУ ЭСТЕТИКОЙ И МОРАЛЬЮ

© 2026

Д. Г. Зубко¹

Статья посвящена анализу социокультурного статуса куртизанок (歌妓; гэцзи) в китайском обществе эпохи Тан (VII–X вв.) и особенностей их репрезентации в контексте гендерных, моральных и эстетических норм традиционной культуры. Цель исследования заключается в выявлении механизмов формирования амбивалентного образа куртизанок как носителей художественной ценности и одновременно нормативной маргинальности. В работе используются историко-культурный, гендерный и сравнительно-социальный подходы. Куртизанки сопоставляются с другими категориями женщин – поэтессами, буддийскими и даосскими монахинями и аристократками – по параметрам социальной легитимации, типов публичности и степени нормативной регуляции. Показано, что куртизанки не принадлежали ни к одной институционально закреплённой модели женской идентичности, однако обладали высокой культурной видимостью и активно участвовали в формировании городской художественной среды. Делается вывод о том, что двойственная репрезентация куртизанок отражает напряжение между эстетическим признанием и моральными ограничениями и выступает важным механизмом осмысления гендерных границ в культуре эпохи Тан.

Ключевые слова: куртизанки, эпоха Тан, гендерные роли, социальная легитимация

Для цитирования: Зубко Д. Г. Куртизанки эпохи Тан в литературе и культуре: между эстетикой и моралью. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 22–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-022-031

COURTESANS OF THE TANG DYNASTY IN LITERATURE AND CULTURE: BETWEEN AESTHETICS AND MORALITY

Darya G. Zybko

This paper examines the sociocultural status of courtesans (歌妓; geji) in Tang dynasty China (seventh–tenth century) and their representation within gender, moral, and aesthetic frameworks of traditional culture. The study aims to identify the mechanisms that shaped the ambivalent image of courtesans as both artistic figures and normatively marginal subjects. Using historical-cultural, gender, and comparative social approaches, the article compares courtesans with poetesses, Buddhist nuns, and aristocratic women in terms of social legitimation, public visibility, and normative regulation. The analysis shows that courtesans did not belong to any institutionalized female role yet possessed high cultural visibility and played an active role in urban artistic life. The article concludes that the dual representation of courtesans reflects the tension between aesthetic recognition and moral constraint and serves as a key mechanism for interpreting gender boundaries in Tang dynasty culture.

¹ Зубко Дарья Геннадьевна, кандидат исторических наук, преподаватель Второго Пекинского института иностранных языков; dasha.zubko.2018@mail.ru

Darya G. Zybko, PhD (Hist.), Researcher, Beijing International Studies University; dasha.zubko.2018@mail.ru
ORCID: 0009-0006-7928-6188

Keywords: courtesans; Tang dynasty; gender roles; social legitimation

For citation: Zubko D. G. Courtesans of the Tang Dynasty in Literature and Culture: Between Aesthetics and Morality. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 1. Pp. 22–31. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-022-031

Введение

Исследование образа куртизанок эпохи Тан (618–907) представляет собой значимую междисциплинарную проблему, находящуюся на пересечении гендерных исследований, истории культуры, литературоведения и социальной истории. Эпоха Тан, традиционно характеризующаяся как «золотой век» китайской цивилизации, отличалась высокой степенью культурного разнообразия и относительной открытостью публичного пространства для женского участия по сравнению с рядом других династических периодов. Женщины могли быть вовлечены в интеллектуальную, художественную и развлекательную деятельность, что создавало предпосылки для формирования сложных и неоднозначных женских социальных ролей [Wang Jiahui, 2025].

Особое место в культурной структуре танского общества занимала фигура куртизанки, обозначаемой термином *гэцзи* (歌妓). Куртизанки выступали профессиональными исполнительницами и посредниками между образованной элитой и городской средой. Их социальный статус находился вне нормативной конфуцианской модели женской добродетели, однако их художественная компетентность обеспечивала им заметное присутствие в культурной жизни эпохи. В литературе и искусстве Тан образ куртизанки формируется как амбивалентный: с одной стороны, он маркируется моральным порицанием, с другой — наделяется высокой эстетической ценностью. Данное противоречие между эстетикой и моралью составляет ключевую проблемную ось настоящего исследования.

Актуальность обращения к данной теме определяется несколькими обстоятельствами. В рамках гендерных исследований образ куртизанки позволяет анализировать способы конструирования женской субъектности в условиях патриархального социального порядка. С точки зрения истории культуры и социологии искусства куртизанки представляют собой пример носителей маргинального социального статуса, обладавших при этом значительным культурным капиталом и способных оказывать влияние на художественные практики и вкусы эпохи. Кроме того, двойственная репрезентация куртизанок в литературных текстах — как воплощения художественного совершенства и как символа моральной проблематичности — предоставляет продуктивный материал для анализа механизмов культурной символизации и нормативного дискурса. Поэтому целью настоящей статьи является многоаспектный анализ образа куртизанок эпохи Тан в литературе и культуре с акцентом на их социокультурную позицию и двойственную репрезентацию между эстетикой и моралью. Для достижения поставленной цели предполагается проведение анализа исторических и литературных источников, выявление особенностей социокультурного положения куртизанок в системе гендерных и моральных норм танского общества, сопоставление их статуса с другими категориями женщин — поэтессами, монахинями и аристократками, — а также определение механизмов репрезентации куртизанок как носителей двойственной символики искусства и порока. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении куртизанок эпохи Тан не только как маргинальной социальной группы, но и как активных участников культурной коммуникации, чья профессиональная деятельность и литературная репрезентация способствовали формированию значимого сегмента эстетического и символического пространства эпохи.

Историография проблемы достаточно обширна. В современной научной традиции подробно изучены правовые и социальные аспекты положения женщин в средневековом Китае. Существенный вклад в исследование правового статуса женщин внесла Ю. С. Мыльникова [Мыльникова, 2012], проанализировавшая эволюцию положения женщин в династиях Тан–Сун, включая категорию певичек (*цзи*) как особой социальной группы, находившейся вне традиционной семейно-брачной системы. Литературоведческий анализ эпохи Тан представлен в докторской диссертации А. Г. Сторожука [Сторожук, 2006], где рассматриваются художественные концепты и образная система танской словесности, в том числе женские образы, связанные с культурной средой куртизанок. В зарубежной науке внимание сосредоточено на социальной активности и статусе женщин танской эпохи [Wang Jiahui, 2025; Zhang Jingxinyi, 2024], а также на изучении женского поэтического творчества и авторской субъектности [Jia Jinhua, 2019]. Вместе с тем куртизанки преимущественно рассматриваются фрагментарно — либо как социальная категория, либо как литературный образ, что обуславливает необходимость комплексного анализа их репрезентации в системе культурных и моральных ценностей эпохи Тан.

Методологическую основу исследования составляют историко-гендерный анализ, направленный на реконструкцию женских социальных ролей; литературоведческий анализ художественных репрезентаций; а также компаративный метод, позволяющий сопоставить различные модели женской идентичности в танской культуре.

Исторические и литературные источники образа куртизанок эпохи Тан

Решение первой задачи исследования предполагает обращение к комплексу разнородных источников, включающих официальные исторические хроники, поэтические антологии, авторские литературные сборники, а также современные филологические и историко-культурные исследования. Использование данных материалов позволяет реконструировать как социальное положение певиц-артисток (*歌妓; гэцзи*), так и устойчивые способы их художественной репрезентации в культурном пространстве эпохи Тан [Мыльникова, 2016; Quan Tang Shi, 1960].

Ключевым литературным источником является антология «Полное собрание поэзии Тан» (*全唐詩; Цюань Тан ши*), представляющая собой наиболее репрезентативный корпус поэтических текстов эпохи. В поэзии Тан систематически фиксируются сцены музыкальных выступлений, пиршеств, частных встреч литераторов с профессиональными певицами и танцовщицами, а также мотивы расставания, воспоминания и эстетического созерцания. Эти тексты формируют устойчивый литературный образ куртизанки как посредника между образованной элитой и городской культурной средой, а также как носителя профессионального мастерства и художественного вкуса [Quan Tang Shi, 1960].

Особое место в формировании данного образа занимает творчество Бай Цзюйи (白居易, 772–846). В поэме «Песнь о пипе» (*琵琶行; Пипа син*) фигура исполнительницы приобретает многослойное значение: музыкальное мастерство героини становится способом повествования о ее жизненной судьбе, социальной незащищенности и зависимости от внешних обстоятельств [Bai Juyi, 1985]. Современные синологические исследования подчеркивают, что в поэзии Бай Цзюйи образ артистки функционирует как символическое соединение эстетического идеала и социального подчинения, характерного для иерархической структуры танского общества [Rouzer, 2001]. Как отмечает П. Роузер, музыкальная сцена в танской поэзии становится пространством эмоционального взаимодействия между маргинализированным субъектом и представителем образованной элиты,

что позволяет рассматривать куртизанку не только как объект эстетического восприятия, но и как носителя индивидуального опыта и культурной памяти [Ibid].

Важным источником для анализа являются поэтические тексты женщин, непосредственно связанных с профессиональной артистической средой. Творчество Юй Сюаньцзи (鱼玄机, IX в.) и Сюэ Тао (薛涛, VIII–IX вв.) демонстрирует формирование женской авторской субъектности в рамках преимущественно мужского литературного канона. Как показывает Цзя Цзиньхуа, поэтессы позднетанского периода вырабатывают собственные стратегии самовыражения, сочетая автобиографические мотивы, религиозную рефлексию и художественный эксперимент, что позволяет рассматривать их тексты как самостоятельный пласт танской словесности [Jia Jinhua, 2019].

Социально-правовой контекст функционирования певиц и куртизанок подробно рассматривается в диссертационном исследовании Ю. С. Мыльниковой. Автор указывает, что категория *цзи* находилась вне традиционной конфуцианской модели семейно-брачной регуляции, однако обладала определенной экономической автономией и профессиональной мобильностью, что отличало ее от большинства женских социальных ролей средневекового Китая [Мыльникова, 2012]. Данные характеристики обуславливали двойственное положение куртизанок: с одной стороны, их включенность в городскую культуру и художественную жизнь, с другой — постоянное давление нормативного морального контроля.

Литературоведческий анализ художественных концептов эпохи Тан, представленный в докторской диссертации А. Г. Сторожука, позволяет выявить устойчивые мотивы, связанные с репрезентацией женских образов: мимолетность красоты, телесно-духовная двойственность, символика утраты и эмоциональной памяти [Сторожук, 2006]. Указанные мотивы активно проецируются и на образ куртизанки, усиливая его амбивалентность между эстетической ценностью и социальной нестабильностью.

Таким образом, анализ исторических и литературных источников позволяет рассматривать куртизанок эпохи Тан как сложный культурный конструкт, формируемый на пересечении художественного воображения, социальной практики и морального дискурса. Источниковый материал свидетельствует о том, что куртизанка выступает не только объектом эстетического осмысления, но и активным участником литературно-музыкального пространства эпохи, что создает теоретическую основу для дальнейшего анализа ее социокультурной позиции и символической репрезентации.

Социокультурная позиция куртизанок в контексте гендерных и моральных норм танской эпохи

Социокультурная позиция куртизанок в эпоху Тан определялась противоречивым взаимодействием между нормативной конфуцианской моделью женского поведения и реальными социальными практиками городской культуры. Конфуцианская идеология традиционно закрепляла за женщинами семейно-домашнюю сферу, подчиненную принципам иерархии, целомудрия и патриархальной зависимости. Однако куртизанки изначально находились вне данной нормативной структуры, что обуславливало их особый, маргинальный статус в системе гендерных ролей [Wang Jiahui, 2025].

Исследователи отмечают, что в танский период социальная реальность демонстрировала значительно большую вариативность женских ролей по сравнению с нормативными установками классического конфуцианства. Женщины могли участвовать в экономической, культурной и публичной жизни, а городская среда создавала пространство для профессиональной специализации, в том числе в сфере искусства и развлечений [Wang Jiahui, 2025; Hinsch, 2019]. Именно в этом контексте

формировалась социокультурная ниша куртизанок как профессиональных артисток, чья деятельность была институционально допустима, но морально амбивалентна.

Куртизанки активно вовлекались в культурную коммуникацию эпохи: они обучались музыке, поэзии, танцу и каллиграфии, выступали на придворных и частных мероприятиях, а также поддерживали устойчивые связи с представителями образованной элиты. В ряде случаев куртизанки становились признанными поэтессами и интеллектуальными фигурами, что позволяло им выходить за рамки чисто развлекательной функции и участвовать в формировании литературного и эстетического дискурса эпохи [Hinsch, 2019]. Подобная культурная активность наделяла их значительным символическим капиталом, несмотря на их формально низкий социальный статус.

В то же время куртизанки оставались исключенными из конфуцианской модели «нормативной женственности», основанной на браке, материнстве и семейной добродетели. Куртизанство ассоциировалось с нарушением принципов женской скромности и сексуальной регуляции, что закрепляло за ними репутацию морально нестабильных фигур. В литературе и общественном сознании они одновременно воспринимались как источники эстетического наслаждения и как символы отклонения от социального идеала, что формировало устойчивую модель двойственного восприятия [Hinsch, 2019].

Академические исследования подчеркивают, что система женских социальных ролей эпохи Тан не была монолитной: наряду с аристократками, монахинями и поэтессами куртизанки представляли собой особую категорию профессиональных женщин, чья публичная активность противоречила нормативной морали, но была органично встроена в культурную практику времени [Hinsch, 2019]. Это противоречие не устранялось, а, напротив, становилось частью культурного механизма эпохи, позволяя сосуществовать моральному осуждению и эстетическому признанию.

Таким образом, социокультурная позиция куртизанок в эпоху Тан формируется на пересечении гендерных норм, профессиональной художественной деятельности и моральных ожиданий. Куртизанки выступают как маргинальная, но культурно значимая группа, чье существование выявляет внутренние противоречия танского общества между идеологической нормативностью и практической гибкостью социальных ролей.

Сопоставление куртизанок с другими категориями женщин в системе женских социальных ролей

Женские социальные роли в танском обществе формировались не как единая иерархия, а как совокупность различных моделей легитимации, каждая из которых определяла допустимые формы публичности, культурного участия и нормативного контроля. В этом контексте сопоставление куртизанок (歌妓; *гэцзи*) с поэтессами, религиозными женщинами и аристократками позволяет выявить принципиально разные способы включения женщин в социокультурное пространство эпохи Тан.

Поэтессы представляли собой категорию женщин, чья социальная значимость закреплялась прежде всего через письменный текст и участие в литературной коммуникации. Исследование А. Дашченко фиксирует более 120 женских имен в корпусе танской поэзии, что свидетельствует о расширении женского присутствия в сфере высокой культуры [Dashchenko, 2022]. Такие авторы, как Сюэ Тао, Юй Сюаньцзи, Ли Е и Лю Цайчунь, не только демонстрировали высокий уровень поэтического мастерства, но и были включены в мужские литературные салоны, что обеспечивало им относительную культурную легитимацию [Dashchenko, 2022]. В отличие от куртизанок, статус поэтесс основывался на тексте как устойчивом носителе культурного капитала, а не на перформативных и ситуационных формах признания.

При этом граница между поэтессами и куртизанками не всегда была жесткой. Цзя Цзиньхуа отмечает, что часть позднетанских поэтесс была связана с артистической средой, однако именно письменная фиксация авторства позволяла им выходить за пределы развлекательной функции и формировать более устойчивую субъектную позицию [Jia Jinhua, 2019]. Таким образом, различие между поэтессами и куртизанками заключается не столько в художественной компетенции, сколько в способе ее социальной легитимации.

Буддийские и даосские монахини представляли иную модель женской социальной позиции, основанную на религиозной институциональности. Как показывает Б. Хинш, женские монастыри эпохи Тан функционировали как пространства образования, социальной защиты и культурного взаимодействия, включая контакты с аристократией и двором [Hinsch, 2019]. В отличие от куртизанок монахини обладали формально признанным статусом, регулируемым религиозными и государственными нормами, что обеспечивало им относительную социальную стабильность.

Сопоставление куртизанок и монахинь выявляет принципиальное различие между институциональной и неинституциональной формами женской автономии. Куртизанки достигали экономической и профессиональной самостоятельности за счет участия в рыночных и культурных практиках, тогда как монахини — через выход из семейно-брачной системы и включенность в религиозные структуры [Hinsch, 2019]. Обе модели выходили за рамки конфуцианской семейной нормы, но имели различную степень социальной защищенности и моральной легитимации.

Аристократки занимали наиболее нормативно признанную позицию в системе женских ролей. Их статус определялся родовой принадлежностью и включенностью в придворную иерархию, а культурная активность реализовывалась преимущественно в формах образования, покровительства и семейной репрезентации. По наблюдению Хинша, женщины аристократического происхождения могли владеть имуществом и оказывать влияние на брачные и политические стратегии рода, однако их публичная активность строго регулировалась ритуальными и моральными нормами [Hinsch, 2019].

На фоне аристократок куртизанки выглядят как фигуры, обладающие высоким культурным капиталом при отсутствии формальной социальной легитимации. Их взаимодействие с элитой происходило вне институциональных рамок — в пространстве пиршеств, литературных встреч и частных салонов, что делало их одновременно культурно востребованными и социально уязвимыми. Ю. С. Мыльникова подчеркивает, что правовой статус категории цзи находился вне конфуцианской семейной модели, что усиливало их маргинальность при сохранении определенной экономической автономии [Мыльникова, 2012].

Для наглядного сопоставления различных женских социальных ролей танской эпохи целесообразно систематизировать выявленные различия по ключевым параметрам социальной легитимации, формам публичного присутствия и степени нормативной регуляции (Таблица 1). Такой сравнительный подход позволяет избежать описательной фрагментарности и выявить структурные различия между основными категориями женщин, функционировавших в культурном пространстве эпохи Тан.

Таблица 1. Сравнительная таблица женских социальных ролей эпохи Тан

Категория женщин	Форма социальной легитимации	Тип публичности	Степень нормативности
Куртизанки (geji 歌妓)	Эстетический и коммуникативный капитал; профессиональное мастерство (музыка, поэзия, танец); признание со стороны элиты	Неинституциональная публичность: пиршества, частные салоны, литературные встречи, придворные и городские мероприятия	Низкая: вне конфуцианской семейной модели; морально амбивалентный статус

Категория женщин	Форма социальной легитимации	Тип публичности	Степень нормативности
Поэтессы	Письменное творчество; включенность в литературный канон; признание авторства	Текстуальная публичность: поэтические сборники, переписка, литературные круги	Средняя: частично нормативная, ограниченная мужским литературным канон
Буддийские и даосские монахини	Религиозная институциональность; монастырская организация; духовная легитимация	Институциональная публичность: монастыри, религиозные церемонии, образовательная деятельность	Средняя–высокая: признание вне семьи, но в рамках религиозных норм
Аристократки	Родовая принадлежность; придворный статус; ритуально-иерархическая легитимация	Регламентированная публичность: двор, семейные и придворные ритуалы, покровительство	Высокая: жесткое соответствие конфуцианским и ритуальным нормам

Представленная таблица демонстрирует, что различия между женскими социальными ролями в танском обществе определялись не уровнем культурной активности как таковой, а способом ее нормативного оформления и социальной легитимации. Куртизанки выделяются как единственная категория, чья публичность и культурная значимость основывались преимущественно на неинституциональных и эстетических механизмах признания, что обуславливало их особое положение между культурной востребованностью и нормативной маргинальностью. В этом смысле куртизанки занимают уникальную позицию в системе женских социальных ролей эпохи Тан, выступая индикатором гибкости и противоречивости гендерного порядка средневекового китайского общества.

Репрезентация куртизанок как носителей двойственной символики порока и искусства

Рассмотрение символической репрезентации куртизанок как носителей двойственной семантики искусства и порока опирается на структурное сопоставление женских социальных ролей танской эпохи, представленное в сравнительной таблице 1. Выделенные параметры — форма социальной легитимации, тип публичности и степень нормативной регуляции — позволяют интерпретировать амбивалентность образа куртизанки не как индивидуальную художественную метафору, а как следствие ее особого положения в системе социальных ролей. В отличие от аристократок и монахинь, чья культурная активность была институционально закреплена, и поэтесс, чья субъектность легитимировалась через письменный канон, куртизанки функционировали в пространстве неинституциональной публичности, что напрямую отражается в противоречивых художественных моделях их репрезентации.

В культурном дискурсе танской эпохи куртизанка репрезентируется как фигура, в которой сочетаются высокая художественная компетентность и нормативная маргинальность. Данная амбивалентность обусловлена структурным положением куртизанок в городской культуре: они выступали профессиональными носителями музыкальных, поэтических и перформативных практик, но при этом находились вне конфуцианской модели женской добродетели, основанной на семейной принадлежности и моральной регуляции. В результате их образ закрепляется в культуре как одновременно эстетически значимый и социально проблематичный.

Как показывает Пин Яо, взаимодействие между куртизанками и образованной элитой формировало особый тип культурного обмена, в рамках которого художественная деятельность

развивалась в пространстве, не совпадающем с официальными институтами литературы и образования [Ping Yao, 2002]. Куртизанки участвовали в поэтических диалогах, музыкальных импровизациях и совместных выступлениях с литераторами, что способствовало признанию их художественных способностей. Однако эта форма культурной включенности была неразрывно связана с пространством развлечения, что закрепляло за куртизанкой статус фигуры, ассоциируемой с удовольствиями и моральной неоднозначностью [Ibid].

Б. Хинш подчеркивает, что подобная двойственность имела институциональные основания. Куртизанки обладали относительной экономической самостоятельностью, профессиональной мобильностью и доступом к образованным кругам, но не имели устойчивого правового статуса и оставались уязвимыми в системе конфуцианской социальной иерархии [Hinsch, 2019]. Эта социальная нестабильность трансформируется в литературной репрезентации в образ женщины, сочетающей свободу художественного самовыражения и зависимость от внешнего покровительства, признание таланта и отсутствие нормативной легитимации.

В поэтической культуре танской эпохи куртизанка часто становится фигурой, через которую артикулируется напряжение между индивидуальной одаренностью и моральными ожиданиями. Исследования женского литературного письма показывают, что художественная активность женщин допускалась в культурное пространство при условии ее интерпретации в рамках мужского литературного канона, что ограничивало автономию женского авторства [Dashchenko, 2022]. В этом контексте куртизанка признается носителем искусства, но ее творческая субъектность остается частично нейтрализованной, что усиливает амбивалентность ее символического статуса.

Дополнительным измерением двойственной репрезентации является нарративная функция куртизанки в литературных текстах. Она нередко используется как медиатор эмоционального и экзистенциального опыта, воплощающий темы социальной нестабильности, утраты и хрупкости жизненного успеха. Через музыкальные и поэтические сцены с участием куртизанок формируется пространство эмоционального взаимодействия между представителями элиты и социально маргинализированным субъектом, что позволяет воспринимать куртизанку не только как объект эстетического созерцания, но и как носителя индивидуального опыта и культурной памяти [Hinsch, 2019; Ping Yao, 2002].

Таким образом, репрезентация куртизанок в культуре эпохи Тан строится на устойчивом пересечении художественной ценности и моральной проблематичности. Куртизанка выступает как профессиональный субъект искусства и одновременно как фигура, находящаяся вне нормативных социальных моделей, что формирует ее символический статус носителя двойственной семантики искусства и порока. Эта амбивалентность является ключевым механизмом осмысления женской субъектности в культурном пространстве танского Китая.

Заключение

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть образ куртизанок эпохи Тан как многомерный социокультурный феномен, сформированный на пересечении художественной практики, социальной маргинальности и нормативного морального дискурса. Анализ исторических источников и литературных текстов показал, что куртизанки (歌妓; *гэки*) занимали устойчивое, хотя и институционально не закрепленное место в культурном пространстве танского Китая. Их присутствие в поэтическом корпусе, прежде всего в текстах «Полного собрания поэзии Тан», а также в авторских произведениях таких поэтов, как Бай Цзюйи, свидетельствует о высокой степени культурной востребованности и символической значимости этой социальной группы.

Рассмотрение социокультурной позиции куртизанок в контексте гендерных и моральных норм танской эпохи позволило выявить противоречивый характер их статуса. С одной стороны, они обладали профессиональной автономией, экономической мобильностью и доступом к интеллектуальным кругам, что выводило их за рамки традиционной конфуцианской модели женской роли. С другой стороны, отсутствие институциональной легитимации и включенности в семейно-брачную систему обуславливало их маргинальность и моральную уязвимость. Таким образом, куртизанки представляли собой социальную категорию, одновременно включенную в культурную элиту и исключенную из нормативного социального порядка.

Сопоставление куртизанок с другими категориями женщин — поэтессами, монахинями и аристократками — позволило выявить различные механизмы социальной легитимации и формы женской публичности в эпоху Тан. Если аристократки реализовывали свою субъектность через родовую и ритуальную иерархию, монахини — через религиозную институционализацию, а поэтессы — через письменный канон, то куртизанки формировали свою социальную значимость преимущественно в пространстве эстетического и коммуникативного обмена. Данное сопоставление подтверждает, что женская социальная идентичность танского периода была вариативной и не сводилась к единой нормативной модели.

Анализ художественной репрезентации куртизанок показал, что в литературе и культуре эпохи Тан они последовательно конструируются как носители двойственной символики искусства и порока. Эта амбивалентность отражает структурное противоречие их социальной позиции: признание художественного таланта и культурного капитала сосуществует с моральным дистанцированием и отсутствием полной субъектной автономии. Куртизанка в танской литературе выступает не только объектом эстетического восприятия, но и медиатором эмоционального и культурного опыта, через которого артикулируются темы социальной нестабильности, утраты и иллюзорности успеха.

Таким образом, куртизанки эпохи Тан могут быть охарактеризованы как активные субъекты культурной коммуникации, чье значение выходит за рамки маргинальной социальной функции. Их образ представляет собой важный инструмент осмысления взаимодействия искусства, морали и социальной структуры в традиционном китайском обществе. Результаты исследования уточняют представления о женской субъектности в эпоху Тан и демонстрируют, что культурная значимость женщин могла формироваться вне институционально легитимированных социальных моделей, что существенно расширяет современные интерпретации гендерной истории Китая.

Литература / References

Мыльникова Ю. С. *Правовое положение женщин в истории средневекового Китая: династии Тан–Сун*. Дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012 [Mylnikova Yu. S. *Pravovoe polozhenie zhenshchin v istorii srednevekovogo Kitaya: dinastii Tan–Sun*. Diss. ... kand. hist. sciences. St. Petersburg: SPbGU Press, 2012 (in Russian)].

Сторожук А. Г. *Художественные концепты и проблемы творчества в литературе эпохи Тан*. Дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2006 [Storozhuk, A. G. *Khudozhestvennye kontsepty i problemy tvorchestva v literature epokhi Tan*. Dis. ... d-ra filol sciences. St. Petersburg: SPbGU Press, 2006 (in Russian)].

白居易. 琵琶行. 白居易全集. 北京:人民文学出版社. URL: <https://www.gushiwen.cn/shiwens/default.aspx?astr=白居易> [Bai Juyi. *Pipa Xing*. *Bai Juyi QuANJI*. Beijing: Renmin Wenxue Chubanshe. URL: <https://www.gushiwen.cn/shiwens/default.aspx?astr=白居易> (data obrascheniya: 20.01.2026) (in Chinese)].

Dashchenko H. *Legitimation process of female poetry during the Tang Dynasty (618–907)*. *Journal of Narrative and Language Studies*. 2022. Vol. 10. No. 19. P. 109–125 [Dashchenko H. *Legitimation process of female poetry during the Tang Dynasty (618–907)*. *Journal of Narrative and Language Studies*. 2022. Vol. 10. No. 19. Pp. 109–125 (in English)].

Hinsch, Bret. *Women in Tang China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019 [Hinsch, Bret. *Women in Tang China*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2019 (in English)].

Jia Jinhua. *New Poetry from the Turquoise Pond: Women Poets in Eighth and Ninth Century China*. *Tang Studies*. 2019. Vol. 37. No. 1. P. 59–80. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07375034.2019.1676285> (дата обращения: 20.01.2026) [Jia Jinhua. *New Poetry from the Turquoise Pond: Women Poets in Eighth and Ninth Century China*. *Tang Studies*. 2019. Vol. 37. No. 1. Pp. 59–80. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07375034.2019.1676285> (data obrascheniya: 20.01.2026) (in English)].

全唐詩. 北京:中华书局. URL: <https://ctext.org/quantangshi> (дата обращения: 20.01.2026) [Quan Tang Shi. Beijing: Zhonghua Shuju. <https://ctext.org/quantangshi> (data obrascheniya: 20.01.2026) (in Chinese)].

Rouzer P. *Articulated Ladies: Gender and the Male Community in Early Chinese Texts*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2001 [Rouzer Paul. *Articulated Ladies: Gender and the Male Community in Early Chinese Texts*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2001 (in English)].

Wang Jiahui. *The Research on the Power of Women in Tang Dynasty*. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2025. Vol. 176. No. 1. Pp. 85–89 (in English)].

Yao Ping. *The Status of Pleasure: Courtesan and Literati Connections in T'ang China (618–907)*. *Journal of Women's History*. 2002. Vol. 14. No. 2. Pp. 26–53 (in English)].

Zhang Jingxinyi. *Research on the Social and Economic Activities of Women in the Tang Dynasty*. *Journal of Social Science Research*. 2024. Vol. 84. No. 1. Pp. 111–116 (in English)].